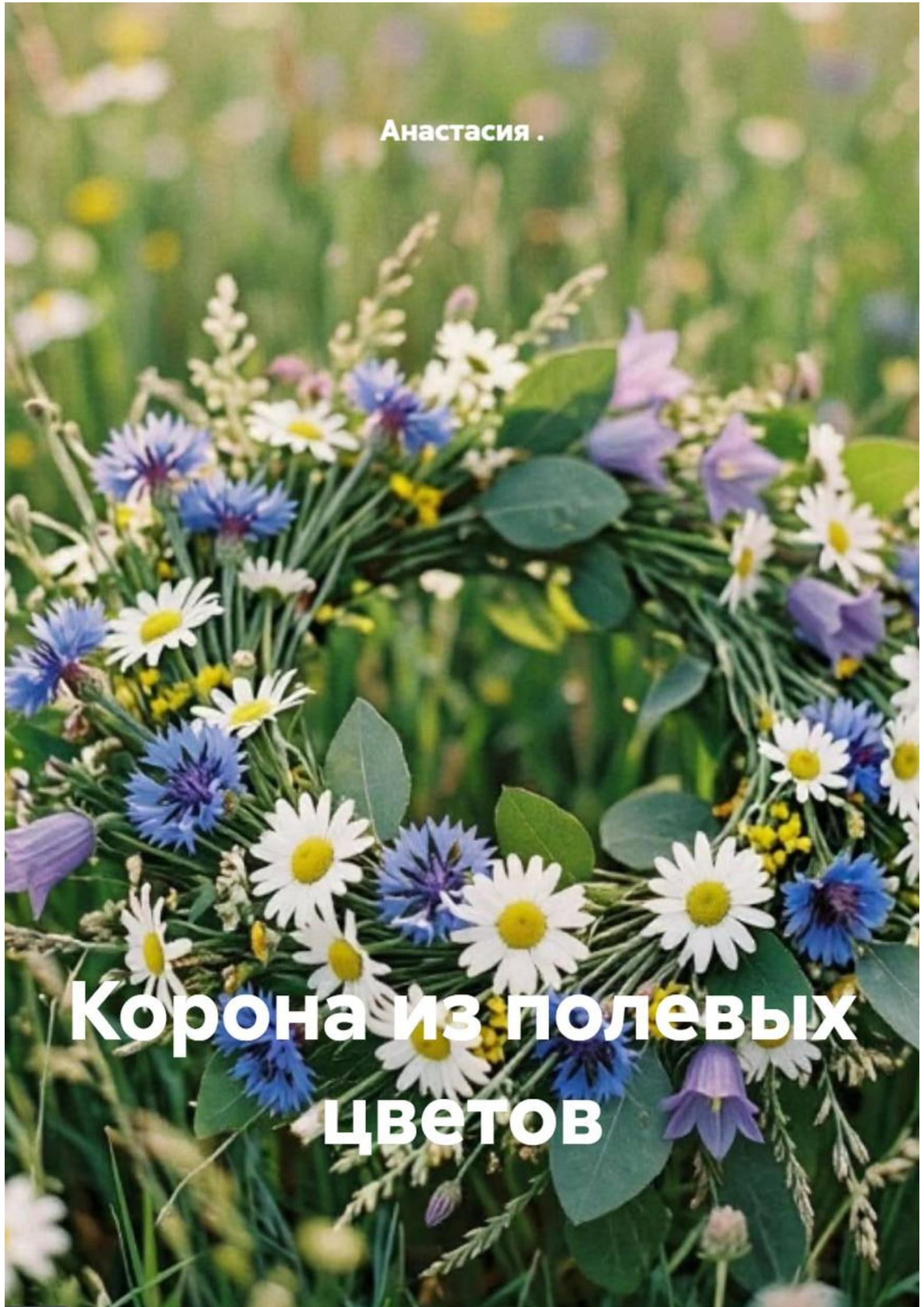

Анастасия .

Корона из полевых цветов

Анастасия .

Корона из полевых цветов

«Автор»

2026

. А.

Корона из полевых цветов / А. . — «Автор», 2026

Семнадцать лет назад наследница Империи Солнечного Престола исчезла. Магия умолкла. Империя начала гнить. Эловен Фэй живёт в деревне у озера, кормит кур и боится рыб, которые плывут к её ногам. Она не знает, что её настоящее имя — Каэрисса. Не знает, что озеро слушается её. Не знает, что где-то в столице советник по имени Кассиан уже получил донесение и ставит булавку на карту. Эльф приходит утром. Называет её по имени. И обычный день рождения становится последним днём прежней жизни. Но трон — не то, чего она хочет. И магия — не то, что ей обещали. И единственный путь — не тот, который написан в пророчестве.

© . А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

День, когда пришёл эльф.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анастасия .

Корона из полевых цветов

День, когда пришёл эльф.

До рассвета в Ветровалье было тихо.

Не мёртвой тишиной — живой. Той, что держится, пока не проснулись петухи, пока первый пастух не скрипнул воротами, пока соседская собака не зашлась лаем на какую-то тень в кустах. В такую тишину можно войти осторожно, как в воду с холодного берега, и она тебя примет — если не шуметь, если не торопиться.

Эловен не торопилась.

Она лежала поверх одеяла, не вставая, и смотрела в потолок, где серые доски успели потемнеть от многих зим. В щель ставни медленно вливался свет — сначала почти никакой, едва теплее ночи, потом персиковый, нежный, как первый день после долгой болезни. Он расходился по стене тонкими нитями, и Эл следила за ними взглядом, не желая спугнуть.

Так всегда бывало в день рождения.

Она просыпалась до петухов и лежала, пока небо не решало наконец, каким ему быть сегодня. Это было её собственное, тайное — не праздник и не ритуал, а просто момент, в котором ничего не нужно было делать, никуда торопиться, ничего говорить вслух. Персиковые нити на стене светлели, становились золотыми, Ветровалье медленно просыпалась за окном — и было что-то очень правильное в том, чтобы видеть это начало до того, как оно станет общим.

Потом пришло другое.

Не шум — зов. Так Эл называла это для себя, хотя вслух не говорила никогда: назовёшь — придётся объяснять. Озеро за домом будто потянулось к ней сквозь стену и бревна, сквозь плотно закрытые ставни, ровным и мягким давлением — как тянут за рукав, когда хотят, чтобы заметили, но не хотят мешать. Это было привычно. Раздражающе, тупо привычно — как мозоль на правой ладони, которую замечаешь только тогда, когда перестаёшь замечать.

Эл закрыла глаза и мысленно ответила ему — не словами, просто: *я здесь, я слышу, утомонись*.

Озеро не утомонилось, но стало тише. Так всегда.

Семнадцать лет — и ничего не изменилось.

Она открыла глаза.

Мирро сидела на подоконнике.

Кошка пришла беззвучно, как всегда, и устроилась на краю — маленький тёмно-серый силуэт на фоне светлеющего неба, пушистый хвост обёрнут вокруг лап. Янтарные глаза смотрели не на Эл. Мимо неё, сквозь мутноватое стекло — туда, где за ивами угадывалась вода.

Эл знала этот взгляд. Мирро часто так сидела по утрам — особенно в такие, когда озеро звало громче обычного. Будто кошка слышала то же самое и тоже отвечала: *я здесь, я знаю*.

— Ты опять, — сказала Эл вполголоса.

Мирро не повернулась.

Эл не ждала иного. Она спустила ноги с кровати, нашла пятками холодный пол и встала — медленно, чтобы не скрипнуть половицей раньше времени. За стеной ещё было тихо: Гвинелла спала чуть дольше, чем сама об этом говорила. Или не спала, но лежала — и это было её право, которое Эл не трогала.

Утро само по себе было не праздничным. Оно было обычным — и именно это Эл про него любила.

Она растопила печь с третьей попытки: трут отсырел за ночь, пришлось повозиться. Поставила воду греться, вышла во двор в одном льняном платье, без плаща, потому что утро стояло тёплое, влажное, пахло прибитой росой и ещё чем-то — смолой, что ли, или грибами с опушки. Куры уже возились в курятнике, слышно было их бормотание сквозь доски.

Эл откинула щеколду, и они вышли, деловито и без благодарности — как и полагалось курам. Она насыпала зерно, посмотрела, как они клюют, и подумала: *семнадцать лет*. Каждое утро — печь, вода, куры. Каждое утро — зов с озера, который она учится не слышать, потом всё равно слышит, потом мысленно отвечает, потому что иначе он не отпускает. Каждое утро — Мирро на подоконнике, глаза в сторону воды.

Совершенно ничего не менялось.

Когда она вернулась в дом, кошка уже ушла с подоконника и устроилась у печи — вытянулась, прикрыла глаза, стала похожа на маленькую тёмную лужицу на половице. Эл присела рядом и провела рукой по спине — шерсть была тёплой, почти горячей после улицы.

Мирро не мурлыкала. Просто позволяла.

— Хорошее утро, — сказала Эл ей на ухо, тихо, как говорят о том, во что не уверены.

Скрипнула дверь из комнаты Гвинеллы.

Та вышла раньше обычного — волосы чёрные, непослушные, распущены сильнее, чем в другие дни, рассыпались по плечам и спине. Бордовая юбка, фартук поверх, кожаный браслет на левом запястье. Она прошла мимо Эл к столу, не говоря ни слова, и поставила на скатерть маленький пирог.

Небольшой, круглый, с мёдом — тот самый, что пахнет чабрецом и почему-то напоминает позднее лето. Эл не видела, когда она его пекла.

Гвинелла положила ладонь ей на плечо — одну секунду, не больше.

Эл накрыла её руку своей.

Больше ничего не нужно было.

Они сели завтракать молча: пирог, козий сыр, хлеб, вчерашний отвар из шиповника. Эл ела быстро, как всегда, маленькими кусками, и не заметила, как кусок пирога остался нетронутым — и ещё ломоть хлеба, и почти половина сыра. Она отодвинула тарелку.

Гвинелла на это ничего не сказала. Она смотрела в окно.

Не вёл ли разговор взгляд за стекло — это другое. Эл умела читать, когда Гвинелла просто видит двор и когда — видит что-то ещё. Сейчас это было второе. Взгляд был ровным, спокойным, но в нём жило ожидание — не тревога и не страх, а то ощущение, которое бывает перед грозой, когда воздух ещё сухой, но уже ясно: будет.

Эл не спросила.

Она знала: спросишь — и это станет разговором. А разговор потребует ответа, а ответа Гвинелла не даст раньше, чем сочтёт нужным. Лучше просто сидеть. Лучше просто пить шиповниковый отвар, смотреть, как Мирро переместилась от печи к ножке стола и теперь изучала хвост Эл оком философа, и считать: семнадцать лет. Утро как утро. Ничего особенного.

За окном Ветровалья просыпалась.

Скрипнула телега на соседней улице. Закричал петух — не первый раз, а уже уверенно, на весь холм. Где-то в лесу — Эл всегда слышала его через стену, через деревья — коротко прокричала какая-то птица, которой не было имени в её небогатом списке знакомых птиц.

Персиковый свет в окне стал золотым.

Семнадцать лет — и ничего не изменилось. Всё как по шаблону, как по выкройке, сшитой много лет назад: вставай, растапливай, корми, садись, ешь, смотри, как Гвинелла смотрит в окно. Зов с озера утром. Мирро на подоконнике. Пирог с мёдом один раз в год.

Эл смотрела на нетронутый кусок пирога в своей тарелке и думала, что надо бы доесть. Но рука не тянулась.

Гвинелла снова посмотрела в окно.

* * *

Озеро ждало её каждое утро. Но в день рождения — она ждала его.

Это была её традиция, единственная, которую она придумала сама и которой держалась, как держатся за что-то, что принадлежит только тебе: у неё не было ни колечка с именем, ни места в большой семье за большим столом, ни своей истории, которую можно было бы рассказывать вслух. Был только этот час у воды. Раз в год.

Эл накинула шаль поверх жёлтого платья — Гвинелла сшила его три зимы назад, отложив ткань с самой тонкой скатертью: «На что-нибудь хорошее». Платье лежало на дне сундука почти всё время, потому что Эл не знала, что считать достаточно хорошим поводом. Сегодня решила: семнадцать лет — достаточно.

Ткань была лёгкой, почти воздушной, цвета поздней груши на солнце; подол доходил до середины икры и при ходьбе чуть покачивался. Эл вышла из дома, придерживая шаль, и сразу поняла, что взяла её зря — утро было прохладным только на вид. На самом деле воздух уже нёс тепло.

Деревня осталась за спиной почти сразу. Тропа к озеру шла мимо огородов, мимо поленницы у забора Тарена, мимо старой яблони, которая каждый год грозила упасть и каждый год не падала. Эл шла быстро, не оглядываясь. Лес по сторонам молчал — не тревожно, а просто так, как молчат старые стены, которые помнят много и не спешат говорить.

Озеро открылось сразу, как только она вышла из-за последних деревьев.

Бирюзовое. Такое, что не сразу верилось: вода всегда казалась ей слишком красивой для Ветровальи, слишком ненастоящей. Как будто кто-то однажды решил, что маленькой деревне на холме нужно одно такое место — и оставил.

Она сняла башмаки на берегу, поставила их рядом с плоским камнем и зашла в воду.

По щиколотку. Дальше — не нужно.

Вода была тёплой.

Эл замерла.

Утро прохладное, солнце едва поднялось над лесом, тень от сосны ещё лежала поперёк берега — а вода была тёплой, как в середине лета, как будто где-то на дне горел тихий огонь. Эл опустила взгляд на свои ноги под поверхностью: светлые, размытые, чуть дрожащие от лёгкого течения.

Она знала это ощущение. Оно не было новым.

Вода у берега всегда была теплее, когда она заходила. Всегда — не в жаркие дни, а просто всегда, без объяснений, без причины. Эл давно перестала думать об этом вслух. Просто — не думала. Это было проще.

Жёлтый подол платья коснулся воды у края, и она подобрала ткань, перехватив в руке. Лёгкий ветер прошёл по озеру, пригнул осоку у берега, тронул её волосы — светлые пряди сразу выбились из косы, как обычно, будто они никогда и не были собраны.

Хорошее платье. Ей было в нём хорошо.

А потом она почувствовала рыб.

Не увидела — почувствовала. Сначала — движение у правой ноги. Потом у левой. Потом — сразу несколько касаний, лёгких, почти щекотных, и она опустила взгляд: небольшая стайка кружила прямо у её щиколоток, плавники едва касались кожи, рыбы не уплывали. Они тянулись.

Не так, как тянутся к хлебным крошкам.

Иначе.

Эл выбралась на берег быстро, почти резко, и встала на траву босиком. Сердце сжалось знакомо — то самое, что она не умела называть, но хорошо знала: как будто тебя застали за чем-то стыдным, хотя ты ничего не делала. Она ничего не делала. Она просто стояла.

Опять.

Что с ней не так?

Стоило ей уйти оттуда, слоило страху и стыду поселиться в ее сердце, как вдруг озеро запротестовало. Как будто что то тяжелое упало в воду, подняло волны и брызгши.

Но Эл как всегда проигнорировала это.

Она прошла к плоскому камню у берега и села. Поставила ноги на траву, не в воду. Мокрый край платья прилип к ноге — она отлепила его и расправила, чтобы сохло.

Смотрела на воду.

Рыбы разошлись. Поверхность вскоре выровнялась, стала снова ровной и тихой, бирюзовой, красивой.

Она сидела и пыталась понять, что именно она чувствует — не страх, нет, страх был бы проще. Что-то другое. Как будто в тебе живёт вещь, которая не твоя, но и не чужая — просто непонятная. Как будто твоё тело иногда делает что-то без спроса, не злое, не страшное, просто — не твоё.

«Это не моё», — сформулировала она наконец, глядя на воду. — «Это просто со мной происходит».

Разница была. Она не знала, помогает ли это, но разница — была.

Ветер снова прошёл по озеру.

Она не думала о том, что Гвинелла смотрела в окно так, как смотрят перед грозой. Не думала о нетронutom куске пирога. Не думала о семнадцати годах, которые всегда казались ей числом, придуманным для чего-то важного, — но никакое важное так и не наступало.

Тишина была хорошей. Тишина у озера всегда была хорошей — плотной, настоящей, без зазоров.

Она почти успела выдохнуть.

Почти.

Она увидела его не сразу — сначала просто поняла, что что-то изменилось на другом берегу. Не звук и не движение: просто — присутствие. Как будто воздух за озером стал другим. Она подняла взгляд.

На другом берегу стоял человек.

Нет — не человек.

Слишком высокий, слишком неподвижный, слишком... правильный. Он стоял так, будто вырос там, между соснами, будто всегда там стоял и просто теперь позволил себе быть видимым. Одежда — приглушённое, лесное. Волосы светлые, почти серебристые, и коса через плечо. Отсюда, через всё озеро, она не могла разглядеть лицо, но знала — он смотрит на неё.

Прямо на неё.

Эл не двинулась с места. Камень под ней был тёплый от утреннего солнца, трава холодная — она чувствовала и то, и другое. Сердце снова сжалось, но по-другому — не как со стыдом, иначе.

Слишком знакомый, чтобы быть странным.

Слишком незнакомый, чтобы быть обыденным.

* * *

Он обошёл озеро.

Эл не сразу это поняла — просто в какой-то момент звук шагов появился с её стороны берега. Тихий, почти неслышимый: не хруст, а что-то вроде шелеста, как будто трава сама раздвигалась, уступая место. Она не успела ни встать, ни решить — он уже вышел из-за сосен.

Высокий.

Это первое, что она отметила — не осознанно, телом. Он был высоким так, что казался другой породы, и при этом двигался так, как не двигаются высокие люди: не угловато, не с усилием, а словно переливался из одного положения в другое. Серебристо-пепельная коса через

плечо. Одежда в цвет леса — оливковая, серая, коричневая. Ничего металлического. Ничего лишнего.

Не человек.

Или — почти не человек.

Эл осталась сидеть на камне. Ноги на траве. Спина прямая, хотя внутри всё сжалось в кулак. Она заставила его не разжиматься.

Он остановился в нескольких шагах от неё — именно в нескольких, как будто знал, какое расстояние она ещё терпит — и посмотрел.

Глаза светло-серые. Почти прозрачные. Она могла бы сказать «пустые», но это было бы неправдой: в них было внимание — плотное, тихое, как вода в глубоком месте, где не видно дна. Он почти не моргал. Просто смотрел.

Эл смотрела в ответ.

«Не беги. Стой. Смотри».

Она видела такие лица только на старых рисунках в книгах Гвинеллы — тонкие черты, почти слишком правильные, без той мягкой незавершённости, которая есть у людей. Красивый. Не так, как бывают красивые люди — иначе: как красива работа мастера, у которого не дрогнула рука.

Молчание тянулось.

Ветер прошёл по воде — рябь, тихий плеск, снова тишина. Где-то в камышах цапля переступила с ноги на ногу.

— Аэрин, — сказал он наконец.

Просто так. Без «меня зовут», без поклона — просто слово, будто положил его между ними на землю.

Она знала это имя. Откуда-то знала — не из книг, не из рассказов Гвинеллы. Просто знала, как иногда знаешь слово, которое слышишь впервые, но оно не звучит чужим. Это было странно. Она не стала думать об этом сейчас.

— Эловен, — сказала она в ответ. — Просто Эл.

Он кивнул — медленно, как будто принял к сведению, но не согласился.

Потом он заговорил. Не громко. Голос у него был такой, что хотелось вслушиваться — не потому что красивый, а потому что каждое слово он как будто выбирал заранее, из многих возможных, и клал именно то, которое нужно.

— Эловен Каэрисса Вэл'Морен.

Три слова. Или одно имя из трёх частей.

Она его слышала — и не узнала. Как будто кто-то назвал её по имени на незнакомом языке: звучит правильно, но не отзывается ничем, кроме лёгкого онемения.

Пальцы сами нашли шнурок на шее. Мозольный большой, по привычке, нащупал крошечный камень — холодный, гладкий. Она не дала себе сжать его крепко.

— Вы ошиблись, — сказала она.

Голос вышел ровный. Она была почти собой довольна.

— Меня зовут Эловен Фэй. Я живу здесь. — Она чуть повела головой в сторону деревни, хотя дома отсюда не было видно. — Всю жизнь.

Аэрин не возразил.

Вот что было странно — он не возразил. Не сказал «нет, ошибаетесь вы» и не стал объяснять. Он просто остался стоять и смотреть на неё с тем же тихим, плотным вниманием. Как смотрят на вещь, в которой уверены.

Молчание снова легло между ними.

Гвинелла говорила ей однажды — мимоходом, не как урок, а как факт: эльфы редко ошибаются в именах. Что-то про то, как они слышат кровь, или чувствуют след, или — Эл не

помнила точно, это было давно, и тогда казалось просто словами. Сейчас это всплыло и встало рядом с его молчанием.

Она не хотела думать о том, что это означает.

— Откуда вы? — спросила она вместо этого.

— Издалека.

— Это я вижу.

Что-то — не совсем улыбка, но её дальний родственник — мелькнуло у него в глазах.

— Я искал, — сказал он. — Долго.

— Что искали?

Он не ответил сразу. Просто смотрел — и в этот момент она особенно остро почувствовала, как он не моргает: это было похоже на то, как смотрит Мирро, когда слышит что-то, чего не слышит Эл. Не угрожающе. Просто — иначе, чем люди.

— Вас, — сказал он наконец.

Это прозвучало так спокойно, что она почти не поняла сразу. А когда поняла — внутри что-то ёкнуло, и она стиснула камень на шнурке крепче, чем собиралась.

— Я никуда не пропадала, — сказала она.

— Знаю.

— Тогда в чём смысл искать?

— В том, чтобы найти.

Это было не объяснение. Это было что-то вроде ответа, но без содержимого — как скорлупа без ядра. Она не знала, что с ним делать.

Трава под ногами была холодная. Мокрый подол платья всё ещё липнул к лодыжке, хотя немного подсох. Солнце поднялось выше, тени укоротились. Утро шло своим ходом, никого не спрашивая.

Эл встала с камня.

Не потому что решила — просто тело решило раньше неё: встать, это правильно, это понятнее, чем сидеть и смотреть снизу вверх на кого-то, кто называет тебя чужим именем.

В ее глазах застыли слезы. Что то подсказывало ей, что эльф определенно прав. Но она не верила. Нет. Не могла. Не может быть, чтобы Гвинелла все время врала и скрывала правду.

— Мне нужно идти, — сказала она. Голос по-прежнему ровный, несмотря на слезы в глазах. Это хорошо.

Аэрин не шевельнулся. Не шагнул следом, не поднял руку. Просто остался стоять — высокий, спокойный, терпеливый, как дерево, которое никуда не торопится.

Она повернулась спиной. Пошла к тропинке, которая вела от берега к деревне через луг. Трава мокрая с утра — роса на щиколотках, на пальцах ног. Привычно. Хорошо. Понятно.

Шесть шагов. Восемь.

— Она знает.

Голос негромкий, ровный. За спиной — но она слышала каждое слово, потому что утро было тихим, а он говорил именно так, чтобы слова дошли.

— Спроси её.

Эл не остановилась. Сглотнула комок в горле, который сдавливал и мешал дышать.

Но шаг — следующий, десятый — вышел чуть короче обычного. Она его не заметила. Или заметила и не позволила себе думать об этом.

Тропинка поднималась от берега в луг, луг выходил к первым огородам, огороды — к улице. Всё привычное. Всё на своих местах.

Только в ушах — три слова. Не её имя — чужое, странное, из трёх частей — а другие: «Она знает. Спроси её».

И молчание Гвинеллы у окна, которое Эл не понимала с утра.

* * *

Дверь хлопнула сильнее, чем нужно.

Эл не стала придерживать её — просто вошла, и дверь решила за неё.

Гвинелла стояла у стола. Руки сложены перед собой, лицо спокойное. Слишком спокойное — так бывает, когда человек давно знал, что вернёшься именно с таким выражением лица, и успел подготовиться. На столе — две чашки. Уже налиты.

Эл увидела чашки и почувствовала, как внутри что-то ёкнуло.

— Там, у озера, — начала она. — Эльф.

Голос вышел ровнее, чем она ожидала. Даже хорошо.

— Высокий. Волосы как пепел. Он сказал...

Она остановилась. Не потому что слова кончились — просто вдруг стало трудно произносить это вслух, в доме, при дневном свете, где всё такое обычное: запах трав на полках, половик у порога, Мирро на подоконнике — кошка не спала, смотрела на Эл немигающим взглядом, и это тоже было слишком. Слишком много всего сразу.

— Он назвал меня по имени. Не Эловен. Другое имя. Три части. Эловен Каэрисса Вэл'Морен. Такое не выдумывают просто так.

Гвинелла молчала.

— Он сказал, что искал меня. Долго. И что ты знаешь.

Тишина.

Эл сделала шаг вперёд. Потом ещё один.

— Ты ничего не говоришь.

— Я слушаю, — сказала Гвинелла.

— Ты не говоришь, что он ошибся. Это правда?

Вот оно. Маленькое, тихое, страшное — она не говорит, что он ошибся.

Гвинелла смотрела на неё, и иссиня-чёрные глаза были такими же, как всегда: тёплые, внимательные, привычные — только в самой глубине что-то тяжёлое. Старое. Как камень на дне озера, который всегда там лежал, просто раньше вода была мутной.

Молчание длилось секунду — одну, только одну — и Эл прочитала его правильно.

Не «он солгал».

«Я не могу сказать, что он солгал».

— Гвинелла.

Голос стал совсем тихим. Почти шёпотом — она не хотела кричать, не потому что боялась испугать, а потому что кричать означало допустить, что это правда, а она ещё не была готова.

— Ты знаешь, кто я?

Гвинелла не отвела взгляда.

За спиной скрипнул порог.

Эл не обернулась сразу. Просто почувствовала — так же, как чувствовала утром, что что-то изменилось в воздухе над озером ещё до того, как увидела его. Она обернулась медленно.

Аэрин стоял в дверях. Не вошёл — просто стоял на пороге, занимая собой дверной проём: высокий, негромкий, как дерево, которое оказалось не там, где ты его помнишь. Утреннее солнце было у него за спиной, и лицо в тени — только светлые глаза, почти прозрачные, смотрят ровно и терпеливо.

Гвинелла посмотрела на него.

Долго. Так смотрят на что-то, с чем давно смирились, но примириться не смогли. Ни слова — только взгляд, который говорил больше, чем Эл успевала разобрать.

Потом Гвинелла повернулась к ней.

Подожла. Молча. Положила ладонь на плечо — не крепко, не успокоительно, а просто — вот она, я здесь, я никуда, — и это прикосновение было такое знакомое, что у Эл защемило в горле совсем некстати.

— Сядь, — сказала Гвинелла.

Голос тихий. Ровный. Такой, каким она говорила, когда у Эл в детстве была горячка и нужно было пить горькое — без уговоров, без объяснений, просто: вот чашка, выпей, я рядом.

— Это долгий разговор.

Эл смотрела на неё.

Она могла сказать — нет. Могла сказать — подожди, или — скажи сначала самое главное, или — я не хочу садиться, я хочу знать прямо сейчас, одним словом, да или нет.

Но Гвинелла не убрала руку с её плеча. И в чёрных глазах было не отрицание — была готовность говорить. Наконец говорить. После всего, после стольких лет молчания.

Эл подумала: она ждала этого дня. И эта мысль ввела в её сердце ощущение, что все слова, которые сказал эльф, являются правдой. Она ждала.

Может, дольше, чем я думала.

За окном озеро лежало тихое и блестящее. Мирро на подоконнике прикрыла глаза. Аэрин в дверях не двигался — просто присутствовал, как свидетель, которого не звали, но который пришёл, потому что должен был.

Эл опустила на скамью у стола.

Чашка с травяным отваром стояла рядом, тёплая ещё. Гвинелла знала, что она вернётся. Знала, с чем.

Значит, правда была здесь всё это время. В доме. За чашками, за запахом трав, за привычным молчанием, которое Эл всю жизнь считала просто её характером, а не — чем? Защитой? Тайной?

— Хорошо, — сказала Эл тихо.

Руки она сложила на коленях, пальцы сцепила — почувствовала под подушечками знакомую твёрдость камня на шнурке. Маленький. Холодноватый. Всегда здесь.

Гвинелла присела напротив.

И начала.

* * *

Гвинелла заговорила.

Не сразу. Сначала — тишина, в которой Эл слышала только своё собственное дыхание и лёгкий скрип скамьи, когда Гвинелла подвинулась ближе. Потом — слова. Короткие, без украшений, как она всегда говорила, когда что-то было важным.

— Ты не моя дочь по крови, — сказала Гвинелла. — Я принесла тебя из дворца Империи. Семнадцать лет назад.

Больше ничего. Только это.

Эл смотрела на свои руки.

Она не знала, почему — просто так получилось. Взгляд упал сам, и она увидела то, что видела каждый день: мозоли у основания пальцев от вёдер и рукоятки лопаты, от перебирания старых книг со слипшимися страницами. Ногти аккуратные, не накрашенные. На запястье — тонкий кожаный шнурок, а на нём маленький камень, холодноватый и гладкий. Подарок Гвинеллы.

Всё то же самое.

Только пол стал чуть ниже. Не провалился — просто сдвинулся, как будто плохо прибитая доска, и Эл не сразу почувствовала, что стоит неровно.

Она подняла взгляд — медленно, как поднимают что-то тяжёлое.

Гвинелла сидела напротив и смотрела на неё. Чёрные глаза — тёплые, внимательные, как всегда. Ни оправдания в них не было, ни страха, что Эл сейчас встанет и закричит. Только — готовность. Гвинелла ждала. Она умела ждать.

Аэрин в дверях не двинулся с места.

Потом он сказал:

— Ты — наследница Империи Солнечного Престола.

Голос у него был тихий и ровный. Не торжественный, не скорбный. Просто факт, который он произносил так, будто называл вес мешка или расстояние до города.

— Магия молчит семнадцать лет. Мир гниёт без тебя.

И от этой ровности было хуже, чем если бы он говорил с болью. Боль можно оспорить. Факт — нет.

Эл снова посмотрела на руки.

Мозоли. Ногти. Шнурок.

Она думала: я та же. Руки мои. Я их помню. Они варили похлёбку и кололи лучины и вытаскивали занозы из Светкиного пальца, потому что та боялась иглы. Они те же руки. Только имя теперь другое.

Нет. Имя было другим всегда. Она просто не знала.

Что-то тёплое коснулось колен.

Мирро запрыгнула беззвучно, как она всегда делала — просто оказалась, будто её принесло течением. Устроилась, свернулась, и Эл почувствовала сквозь льняную юбку тепло маленького тела и лёгкую вибрацию — кошка мурлыкала тихо, почти неслышно.

Эл опустила руку. Пальцы нашли густой мягкий мех на загривке — сами нашли, без мысли. Тёмно-серый, как зимние тучи.

Дыхание выравнилось. Чуть-чуть. Самую малость.

Мирро всегда так делала — когда Эл не могла спать, когда пила что-то горькое на пустой желудок, когда возвращалась после разговора, который не сложился. Приходила и ложилась рядом. Молча. Будто говорила: вот я, я здесь, остальное подождёт.

Эл погладила её вдоль хребта.

Потом подняла глаза на Гвинеллу.

— Почему ты не сказала?

Голос вышел тихий. Не злой — просто тихий. Она сама не знала, злится ли. Внутри было что-то большое и неразобранное, как ящик, который принесли и поставили посреди комнаты, а что в нём — непонятно ещё.

Гвинелла не отвела взгляд.

— Потому что знала, чего это будет стоить тебе.

Не «я боялась». Не «хотела защитить». Просто — знала. Знала и выбрала молчать, и это было её решение, и она за него отвечала. Без слёз, без объяснений, без просьбы о прощении.

Эл смотрела на неё.

Она думала — сейчас придёт злость. Или слёзы. Или что-то громкое.

Но не пришло. Только усталость, похожая на ту, что бывает после долгого дня, когда уже поздно и уже незачем торопиться — просто сидишь и чувствуешь, как ноют ноги.

Это правда, поняла Эл. Не оправдание. Правда. Гвинелла знала, чего это стоит — наверное, видела, наверное, помнила, наверное, держала эту цену в голове семнадцать лет каждый день. И выбрала. Можно злиться на выбор. Но это был её выбор, а не ложь.

Эл не знала пока, что с этим делать. Просто не знала.

Мирро повернула голову и посмотрела на неё янтарными глазами — пристально, внимательно, как смотрит только она. Потом чуть прикрыла их. Медленно.

Эл встала.

Не потому что нужно было куда-то идти. Просто тело само поднялось, и ноги сами отнесли её к окну — туда, откуда было видно озеро.

Оно лежало внизу, за огородом, за травой. Тихое. Светлое. Утреннее солнце лежало на воде ровными полосами, и берег был тот самый, и камыши те самые, и всё было точно таким же, каким она его помнила с пяти лет, с трёх, с самого начала, сколько она себя помнила.

Ничего не изменилось.

Всё изменилось.

Эл стояла и смотрела на воду, и думала: Я та же. Мозоли на руках мои. Озеро моё. Мирро моя. Но имя уже другое. И вдруг она вспомнила, как однажды, когда ей было лет десять, она спросила Гвинеллу: — Почему нельзя просто взять и сделать всё хорошо? Гвинелла тогда ответила: — Потому что «взять» всегда кого-то лишает. А если хочешь сделать хорошо, надо не брать, а отдавать. Даже если это просто кусок хлеба. Тогда Эл подумала, что речь о еде. Сейчас она поняла, что речь была о мире.

Я просто не знала, что меня так зовут.

Эловен Каэрисса Вэл'Морен.

Чужое. Тяжёлое. Будто надели что-то с чужого плеча — не давит, но и не по размеру.

За спиной была тихая комната, и Гвинелла, которая знала это семнадцать лет и несла одна, и Аэрин, который пришёл потому что пришло его время, и кошка, которая мурлыкала на скамье и, наверное, знала тоже.

Озеро молчало.

Эл подумала: оно не знает, как меня зовут. Ему всё равно. Оно просто лежит — как вчера, как год назад, как будет лежать завтра. Вода та же. Берег тот же.

Я та же.

Только теперь я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.